

ПОЛИТИКА И ПРАВО

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Коллектив авторов

**Гражданское общество.
Истоки и современность**

«Юридический центр»

2006

УДК 321
ББК 66.3(2Рос)12

Коллектив авторов

Гражданское общество. Истоки и современность / Коллектив авторов — «Юридический центр», 2006

XXI век войдет в историю новоевропейской цивилизации как время исторического вызова и время поиска достойного ответа на этот вызов. Старая шкала ценностных ориентиров общественного развития уже не работает, а новая еще не сложилась. Наиболее сложна ситуация в странах посткоммунистического пространства, где продолжаются трансформационные процессы. Этим объясняется пристальное внимание к идее гражданского общества и возможности ее осуществления в новых условиях. Также выражается убеждение, что перспективы России в третьем тысячелетии возможны только под знаком гражданского согласия. Издание предназначено для тех, кто заинтересовался идеей гражданского общества в ее современном изложении и хотел бы расширить свои представления об этой перспективной возможности развития России.

УДК 321
ББК 66.3(2Рос)12

© Коллектив авторов, 2006
© Юридический центр, 2006

Содержание

Введение	6
Раздел 1	9
1.1. От власти авторитета к авторитету власти	9
1.2. От авторитета власти к гражданскому обществу	15
1.3. Гражданское согласие как предпосылка нового качества власти авторитета	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Гражданское общество. Истоки и современность

© Коллектив авторов, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

* * *

*Светлой памяти Греты Ясоновны Пановой, нашего бессменного
редактора и просто хорошего человека, посвящается.*
Авторы

Введение

О гражданском обществе спорили вчера, спорят и сегодня. С одной стороны, это свидетельствует о его актуальной значимости, а с другой – связано с тем, что «идея гражданского общества» и поиск вероятных путей ее осуществления не получили надлежащего концептуального оформления, а посему и не сложился тот необходимый уровень метатеории, который принимается в качестве аксиомы.¹

Уже более десяти лет тема «Гражданское общество» не сходит со страниц научной и публицистической печати. Но все размышления о гражданском обществе, как правило, лежат в плоскости противопоставления «всему тотальному и государственному». При определении понятия «гражданское общество» доминирует не системный, а случайный набор признаков. Его структура определяется по «остаточному принципу», т. е. «за вычетом» из социальной жизни государственного начала и некоторых аспектов публичного права. Такой подход не столько открывает истину, сколько скрывает ее, приводя к очередному заблуждению.

Авторы предлагаемой вниманию читателей книги взяли на себя смелость представить комплексное и системное исследование идеи гражданского общества и путей ее осуществления в условиях общества трансформационных процессов, когда обрушилась старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась, когда все знают, «откуда они вышли», и никто толком не знает, «куда они идут».

Отправными точками предложенного исследования явились: обоснование предельных оснований бытия гражданского общества и определение его онтологического статуса; рассмотрение истории идеи гражданского общества и истории ее осуществления; исследование социально-экономических, социально-политических, социокультурных и социально-правовых его аспектов; а также размышление о вероятной стратегии и тактике становления и развития гражданского общества в условиях переходного периода.

Авторы отдают себе отчет в том, что идея гражданского общества обрела особую актуальность в условиях посткоммунистического пространства, где перемены на рубеже веков привели к активному поиску ценностных ориентиров, отражающих как преемственность исторического развития, так и необходимость определения цели, способной соединить общее и единичное, объединить ключевые принципы развития мирового процесса и отечественные усилия, сделать жизнь общества более человечной, а человека – более общественным (совершенным).

В постперестроечное время от «гражданского общества» (от одной магии этого термина) стали ожидать «чуда» – быстрого переустройства социальной действительности с ориентиром на западные стандарты. Казалось, что для утверждения гражданского общества достаточно легализовать частную собственность и декларировать политические и социально-экономические права человека. Но одной декларацией здесь не обойтись, а западные стандарты в чистом виде неуместны, ибо не учитывают исторические особенности и специфику современного развития страны – страны, которая долгое время осуществляла проект «русского марксизма». Нужны творческие усилия историков и философов, социологов и экономистов, культуроло-

---

¹ См.: Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Гражданское общество: Истоки и современность. СПб., 2002; Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право», «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1; Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 2003; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001; Козн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003; Селигман А. Проблема доверия. М., 2002; Федотова В. Г. «Хорошее общество», «хорошая наука», «хороший человек» // Вестник РГНФ. 2001. № 3; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Хаинтигтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003; 2) Ценности гражданского общества и личность. – М., 2001.

гов и юристов. Практически отсутствуют работы, раскрывающие состояние современной социально-политической и политико-правовой действительности с позиции комплексного, системного подхода.

Ощущается потребность в исследованиях, посвященных формированию нового правового пространства, правовой культуры и правового сознания. Нужны работы, рассматривающие социокультурные основания гражданского общества, раскрывающие специфику его становления в условиях трансформации общества этнического плюрализма и конфессионального многообразия. Необходимы исследования противоречий между трудом и капиталом. Нужны разработки, посвященные институту семьи, которая несет на себе печать всех противоречий общества, заявляя о себе как о социальной ячейке гражданского общества.

Определенной формой компенсации добротных исследований явились события, ставшие знаковыми для развития идеи гражданского общества и ее осуществления в общественном сознании. Это общественно-научные форумы, проведенные в Санкт-Петербурге (2000, 2002, 2003 гг.), Гражданский форум неправительственных и некоммерческих организаций (Москва, 2001 г.), создание Общественной палаты в 2005 г.

Диалог общества и власти, начатый в декабре 2000 г. в Санкт-Петербурге, получил свое логическое продолжение. Состоявшиеся форумы подтвердили ранее сделанные выводы о том, что перспектива развития России в третьем тысячелетии возможна только под знаком гражданского согласия и развития гражданского общества.

В данной работе авторы попытались ответить на фундаментальные вопросы: какова природа общества вообще; какое общество может именоваться гражданским; как взаимосвязано осуществление идеи гражданского общества с процессом развития правовой государственности и обеспечением прав человека; можно ли сформировать гражданское общество с помощью одних политико-правовых акций или необходимы коренные изменения не только в системе социально-экономических отношений собственности и присвоения, но также в общественном и индивидуальном сознании; является ли гражданское общество универсальным явлением или это специфически западный феномен?

Полагаем, что, лишь ответив на эти вопросы, можно рассматривать идею гражданского общества применительно к России, ее способность или неспособность перерасти в общенациональную идею. Соборное начало идеи может обеспечить созидательные процессы и вывести Россию на уровень передовых стран мира с претензией на то, чтобы стать реальным субъектом мировой политики и международного права.

Необходимость ответа на заявленные вопросы заставила авторов эксплицировать категорию «гражданское общество» в онтологической плоскости, рассмотреть историю идеи гражданского общества и ее осуществления, исследовать социально-экономическую базу, политические характеристики, социокультурные и правовые основания гражданского общества. Это позволило рассмотреть формы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности субъектов гражданского общества и уяснить, что его специфика проявляется, прежде всего, в политико-правовой сфере, а также в области коммуникаций.

Однако изучение этой специфики показало неизбежность столкновения с антиномией должного и сущего, где гражданское общество заявляет о себе как идеальный тип (желаемое будущее), и как общество, которое выступает в виде фактической реальности. Очевидно, что эти два модуса бытия никогда не совпадают. Но является ли это достаточным основанием для вывода о том, что в России реально существует гражданское общество? Этому вопросу посвящен специальный раздел, в котором основное внимание сосредоточено на том, кто вырабатывает политико-правовые инновации, каковы принципы взаимодействия субъектов гражданского общества при формировании политического курса страны, обеспечении контроля за деятельностью государства, насколько возможен и реален диалог субъектов гражданского

общества, а также их мера ответственности в пределах метасистемы «природа – общество – человек».

Проведенное исследование позволило констатировать, что в условиях России произошел скачок от коллективной идеологии к частным интересам, от единства и дружбы национальностей в многонациональном обществе к «параду суверенитетов» и вражде на национальной и религиозной почве, когда консенсус и компромисс, терпение и терпимость стали труднодостижимыми. Более того, гражданское общество подчас отождествляют с обществом потребления, что создает особые специфические проблемы для него. Однако это не исключает возможность рассматривать идею гражданского общества в качестве перспективной цели.

Представленная работа является логическим продолжением научных исследований, нашедших отражение в монографии «Гражданское общество: Истоки и современность», вышедшей в издательстве «Юридический центр Пресс» в 2000 г., а также во втором издании одноименной монографии, осуществленном с существенными дополнениями в том же издательстве в 2002 г. В ходе подготовки третьего издания авторам не всегда удавалось прийти к полному единодушию. Но поскольку представленные авторские позиции достаточно аргументированы, то последнее слово остается за читателем.

Раздел 1

Онтологические основания гражданского общества

1.1. От власти авторитета к авторитету власти

Исторически и логически первой формой общественной жизни является род. Имея общего предка, род выступает носителем кровнородственных связей. Он обеспечил переходный период от «биологической популяции» особей прачеловека к социальной общности людей, от эндогамии к экзогамии, заложил основания общественного сознания и его ориентир на формирование традиционного общества.

В своем становлении род прошел две стадии – эпоху материнского и эпоху отцовского развития, формируя мифологическое мировоззрение людей и культуру страха в границах ойкумены.

Если в эпоху матриархата социальной ячейкой выступает весь род в чистоте своих кровнородственных отношений, то в эпоху патриархата социальной ячейкой общества становится патриархальная семья. Семья заявляет о себе как экономически суверенная общность людей. Семьи образуют общину, точнее сообщество, где люди связаны территориальной целостностью, принадлежностью к одному тотему, единому пантеону богов; солидарностью, за которой стояли единство мотивов и действий, общность интересов и определенная мера ответственности за жизнедеятельность общины².

Регламент этого сообщества обеспечивался властью авторитета в лице старейшины рода. Проводником власти авторитета выступало основание будущей нормативной пирамиды общества в форме табу и талиона, которая закреплялась первобытной нравственностью.

Община явилась условием становления обычного права, которое обеспечивалось общественным мнением и волей власти авторитета, особой культурой страха перед непреодолимыми силами Природы. Характерной чертой обычного (естественного) права был ориентир на «горизонтальные» общественные отношения. Право уже воспринимается как определенная система возможных прав и обязательств, но эта система еще далека от инверсии в правовую норму закона, регламентирующего определенный вид общественных отношений и обеспеченного санкциями авторитета власти. В этой системе право совпадает с обязанностями, а обязанности воспринимаются как право.

Несмотря на некоторую привлекательность общины, в силу преобладания отношений координации над отношениями субординации общину вряд ли можно рассматривать в качестве идеального сообщества. В ней отсутствовала личность. Свобода и личные интересы индивида приносились в жертву благополучию общины. В условиях, когда «часть» не принимается во внимание, «целое» не может реализовать свой потенциал.

И тем не менее развитие общины продолжалось. Оно шло по двум направлениям – либо за счет количественного роста моноэтнической общности, либо за счет союза отдельных общин по пути формирования ассоциации-сообщества.

Если к этому добавить специфику ойкумены (органического единства конкретных природных условий и конкретного человеческого фактора), то многообразие исторических форм сообщества людей следует принять как естественную данность. В этом многообразии традиционно выделяют азиатский, античный, германский и славянский типы общин.

---

² Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. Политика. М., 1983; Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989; Фрейзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983.

Азиатский тип рассматривается как инверсия рода в общину в условиях перехода от кочевого к оседлому образу жизни. В основе этого типа лежала общая собственность на землю, широкое применение коллективного труда при создании ирригационных систем и дорог, организация защиты от внешнего врага и полное растворение части в целом, индивида в протообществе.

В отличие от азиатского типа античная община представляла собой сообщество свободных людей, ориентированное на активное использование труда рабов. Но главное отличие заключалось в том, что представитель античной общины, сохраняя свое членство в общине, становился частным собственником обрабатываемого надела земли, что обеспечивало его относительную самостоятельность, заявку на формирование индивидуальности, становление личности.

Германская община (марка) – более позднее образование, где доминирует частная собственность на землю. Сообщество продолжают объединять традиции и обычаи, но это уже ассоциация свободной организации землевладельцев, где каждый собственник земли выступает сувереном, демонстрируя свою индивидуальность.

Имеет свою специфику и славянский тип общины. Она представляла собой организацию местного самоуправления совладельцев земли. Регламентом славянской общины являлся нравственный закон. Община предпочитала путь мира, а не насилия, ориентируясь на естественное право и власть авторитета. Ее потенциал был столь впечатляющим, что один из видных славянофилов К. С. Аксаков (1817–1860) полагал, будто русский народ по своей природе не «государственен»³. Славянофилы рассматривали общину как социальную ячейку общества, как первокирпичик обустройства России.

Но власть авторитета в любой ее модификации – как в далеком вчера, так и в конце XIX в. – демонстрирует ограниченность возможностей преодолевать противоречие между частью и целым. Община по мере своего развития все более проявляет неспособность обеспечивать оптимальный регламент отношений в границах конкретного сообщества людей, неравных по своей природе. И хотя община рождает ностальгию о времени «Золотого века», она уступает место той социальной структуре общества, где бал правит уже не власть авторитета, а авторитет власти.

Авторитет власти заявляет о себе через становление института государства и оформление политической системы, способной мобилизовать население конкретного сообщества на решение задач, выходящих за пределы возможностей индивида или его семьи.

Первой моделью государства будущей новоевропейской цивилизации выступает древнегреческий полис, в котором общество и государство предстают как единое целое. Население полиса, как правило, исчисляется уже в десятках, а то и сотнях тысяч людей. Но статус граждан имели только свободные лица мужского пола. Они обладали равными политическими правами. Гражданство носило наследственный характер. Чужеземцы не могли получить гражданство даже если они или их родители родились в конкретном полисе. Что касается женщин, то они, точно так же, как рабы и чужеземцы не обладали политическими правами и исключались из сферы политической жизни. Полис представлял собой структурно организованное сообщество, регламент которого обеспечивался деятельностью протогосударства. Это еще не государство в традиционном смысле, но уже и не власть авторитета в лице старейшин рода. Политические идеалы характеризовались гармонией равных в политической сфере людей, законом и свободой. При этом свобода понималась весьма своеобразно, а именно, не как свобода человека, а как свобода сообщества в соответствии с общим для всех законом, а несвобода – как жизнь сообщества под властью тирана. Предполагалось, что в управляемом законами,

---

³ Аксаков К. С. Записки о внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы. М., 1910.

гармоничном и свободном сообществе все возникающие проблемы должны решаться путем открытого и рационального обсуждения, где каждый свободный, достигший совершеннолетия мужчина демонстрировал единство прав и обязанностей.

Идеалом общества были *kosmos* (порядок), *nomos* (закон) и «человек – в сообществе», а не индивид в его самоосуществлении. Права человека определялись его статусом в обществе. Под добродетелью понималась не способность жить, даже в соответствии с общечеловеческими ценностями, а способность быть человеком своего полиса. Ориентируясь на этот полис, Платон выводит необходимость идеального государства как авторитета власти с претензией на установление регламента жизни общества и жизни в обществе. По Платону, только идеальное государство может обеспечить гармонию между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью, разрешить противоречия между частью и целым, индивидом и сообществом, личностью и обществом. Но иллюзия идеального государства рассеивается при более пристальном изучении платоновской модели, где место человека занимает его общественная функция, где нет семьи и частной собственности как социальных факторов индивидуализации и самовыражения человека, где людей не лечат, ибо жизнь беспрестанного умирания никчемна, где нет искусства, ибо польза от него сомнительна⁴.

«Образец совершенного государства» подвергает критике уже Аристотель. Ученик Платона усомнился, что целое может быть счастливым, если хоть какая-то его часть не чувствует себя таковой. По Аристотелю, государство – это особая форма общежития граждан, включенных во власть. Главным субъектом государства выступает гражданин (полисный человек), активно участвующий в суде и управлении, реализующий единство и взаимосвязь гражданских прав и гражданских обязанностей. По Аристотелю, государство есть продолжение семьи, в которой прослеживаются три вида отношений: мужа и жены; отца и детей; господина и раба. Господская власть и власть домохозяина подготовили первую форму государства как авторитета власти – патриархальную монархию. Древнегреческий мыслитель полагал, что патриархальная монархия как особая форма правления наиболее оптимальна, если субъектом власти является добродетельный, рассудочный и мудрый человек, патриарх семейства. Монарх – бог среди людей, он – олицетворение закона. Все остальные формы правления, которые складывались в античном мире, противоестественны человеческой природе, ибо не учитывали природное неравенство людей, не принимали во внимание, что «цель человеческого общежития не в том, чтобы жить, а в том, чтобы жить счастливо», приумножая добродетель, красоту и мудрость⁵.

Средневековье с его парадигмой теоцентризма сместило акценты парадигмы космоцентризма. Приоритетной становится не идея государства, как олицетворение целого с претензией быть условием «гармонии между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью», а идея воздаяния с ориентиром на потусторонний мир рая или ада. Приоритетной ценностью выступает не общество, а человек в его отношении с Богом.

Но уже первоначальное накопление капитала и становление капиталистического способа производства с его ориентацией на рынок и фетишизацию товара, денег и капитала вновь актуализируют проблему государства. Эта проблема становится объектом пристального внимания со стороны Николло Макиавелли, Жана Бодена, Иоганна Альтузия, Гуго Гроция, Томаса Мора, Томаса Гоббса, Джона Локка. Позже проблема государства «прочно поселяется» в философии Просвещения и в немецкой классической философии с тем, чтобы найти свое развитие в постклассической философии.

Все исследователи едины в выводе о том, что государство возникает в эпоху цивилизации, когда реальностью стало товарное производство, когда рынок включил механизм региональных процессов развития в мировую историю, когда реальностью стали – господство част-

---

⁴ Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. Государство. М., 1994.

⁵ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. Политика.

ной собственности на средства производства и возможность включения каждого государства в качестве равноправного члена в мировое сообщество, а формула «человек – в сообществе» сменяется формулой «государство – в мировом сообществе».

Таким образом, государство – это то общественное явление, которое имеет свою социально-историческую природу. Оно возникает в период смены родоплеменных отношений отношениями обмена в условиях формирования семьи и частной собственности. Семья вызвала к жизни феномен частной собственности, а частная собственность обеспечила индивиду статус субъекта с претензией на самовыражение и самоосуществление. Отныне семьи объединялись в сообщество не по кровнородственному, а по территориальному признаку, на основе рыночных отношений. Общество заявляет о себе как социальная система воспроизводимых структур взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности⁶.

Территориальная общность рождала коллективные потребности, а стало быть, и общие интересы: решение проблемы внешней защиты или нападения; принятие единых правил общежития; выполнение тех общественных работ, от которых зависит оптимальное существование сообщества, но которые не в состоянии осуществить отдельно взятый индивид или его семья (строительство дорог, ирригационных сооружений, поддержка порядка, санитарии и т. д.).

Объективная потребность в силе, способной решить этот открытый ряд задач человеческого общежития, вызвала к жизни публичную власть в форме государства. Государство заявило о себе как авторитет власти. Публичная власть принципиально отличается от власти авторитета или коллективной власти родового общества. Это уже особый слой людей, составляющий бюрократию. Бюрократы профессионально решают задачи социального управления. Появление бюрократии значительно ускорило процесс общественного разделения труда. Реальностью стало социальное измерение человека, он заявил о себе как личность своего общества с претензией на определенный статус. Что касается публичной власти, то она заявила о своей универсальности. Она распространяется на все население. Абстрактное понятие «*nomos*», как проекция понятия «*kosmos*» на общество и его устройство, уступает место реальной нормативной базе. Нормативная пирамида общества, которая включала нормы архаики (табу и талион), нормы морали и религии, отныне закрепляется нормами права. Ключевыми ценностями права выступает жизнь, собственность, свобода, формальное равенство и справедливость как высшая форма выражения солидарности.

Публичная власть олицетворяет суверенность, ибо обладает не только верховенством внутри территориальной целостности конкретного сообщества, но и демонстрирует независимость в отношениях с другими государствами.

Публичная власть формирует особые органы социального управления и создает средства воздействия, которыми в обществе никто не располагает. Это армия, полиция, налоговые службы, суд, тюрьма.

В условиях осуществления публичной власти индивид обретает статус подданного с определенными правами и обязанностями. Право регламентирует общественные отношения и обеспечивает этот регламент санкциями государственной власти. Что касается территории конкретного общества, то она объявляется нераздельной, неприкосновенной и неотчуждаемой.

Для осуществления общественных работ, организации социального управления, публичная власть в оговоренных размерах и в определенные сроки принудительно взимает налоги с населения на содержание бюрократии, армии и полиции, суда и мест заключения.

Все отмеченные признаки позволяют определить государство как особый институт общества, как претензии на авторитет власти. Авторитет власти возникает как следствие сложив-

---

⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

шихся рыночных отношений. Он характеризуется публичной властью, призванной решать дела общества и индивида, осуществляя свою деятельность на налоги, собираемые с населения.

Государство возникло в силу причин, ставивших под сомнение перспективу развития общества. Более того, эти причины могли бы уничтожить общество. Среди внешних причин можно рассматривать экспансию со стороны других сообществ. Среди внутренних причин можно назвать раздоры по поводу отношений обмена, распределения и потребления, а также необходимость контроля и исключения кровнородственных браков, ведущих к деградации потомства.

Первые государства возникают спонтанно, как правило, по инициативе тех людей, которые уяснили, что без волевого и организующего центра общество прекратит свое существование. Первоначально институт государства выполняет ограниченную военно-административную функцию, обеспечивая территориальную целостность страны и поддерживая административный порядок внутри страны. Олицетворяя авторитет власти, государство еще не выступает инструментом политики. Открытый ряд общественного сознания еще не пополнился формой политического сознания. Пройдет значительный период развития производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений, когда экономические интересы малых и больших социальных групп, образующих социальную структуру, найдут свое отражение в форме политического сознания. Но, даже заявив о себе как о реальном факте, политическое сознание не скоро заявит о себе как «законодатель моды» общественного сознания. Это косвенное свидетельство того, что институт государства продолжал свое становление и в условиях Античного мира, и в условиях Средневековья. И только с оформлением капиталистического способа производства, когда традиционное общество сменяется индустриальным, политика предстает как концентрированное отражение и выражение экономики общества, фетишизации товара, денег и капитала.

Механизм взаимодействия экономики и политики имеет сложный и противоречивый характер. Экономическое господство требует своего завершения и закрепления через политику. Борьба за власть начинается с противостояния идей, а потом уже и людей. Консолидация людей в малые и большие социальные образования начинается с осознания ими своего объективного положения, своих коренных интересов и общих целей. Такое осознание зарождается в стихии повседневной жизнедеятельности человека. Но, оформляясь в политическое сознание людей, оно превращается в общественную силу со всеми вытекающими последствиями борьбы за власть. Основным вопросом политики, как искусства управления обществом, выступает вопрос о власти и о контроле человеческого фактора и средств его осуществления.

Политическое сознание по-разному проявляет себя на обыденном уровне и теоретическом. В первом случае оно возникает как естественное отражение условий быта и труда людей. В нем своеобразно и неповторимо сочетаются эмпирическое и рациональное, рассудочные формы и эмоции, представления сегодняшнего дня и сложившиеся традиции.

Отражая нужду и заботу человека, его повседневный опыт познания и самопознания, политическое сознание на обыденном уровне выступает повседневным средством ориентации человека в его жизнедеятельности. Оно полно драматизма, ибо отражает реальность бытия в мире, особенно если это бытие напоминает «театр абсурда» с дилеммой «ужасного конца или ужаса без конца».

Обыденное политическое сознание нуждается в «поводыре» и обретает его в теоретическом сознании. Политическое сознание теоретического уровня критически анализирует содержание обыденного сознания, его стихийные взгляды и противоречивые представления, вычленив из массового сознания повседневности оптимальные идеи решения сложившихся проблем, подводя под них теоретическую базу. Эти идеи заявляют о своей привлекательности. Их адаптирует массовое сознание населения, и в конечном итоге они становятся материальной силой разрешения проблемных ситуаций, обретая силу идеала.

Идеал, будучи важнейшим компонентом мировоззрения, формирует психологическую установку на определенное отношение к повседневному бытию, замыкая цепь обыденного и теоретического сознания. Эта связь наиболее рельефно прослеживается на уровне общественной психологии и идеологии, взаимодействие которых является своеобразной «визитной карточкой» политического сознания, основанием доверия людей к собственному политическому опыту.

Если носителем общественной психологии выступают люди (малые или большие социальные группы), то субъектом идеологии являются специальные институты, в том числе институты государства, где на профессиональном уровне рассматривается проблема соотношения «стихийного» и «сознательного», систематизируется и обобщается информация эмпирического уровня, формируется механизм пропаганды, отрабатываются формы и методы распространения наработанных идей (идеалов) в массовом сознании общества, обеспечивается активность и направленность политического сознания, формируется политическая культура как компонент общей культуры. Наряду с политической культурой формируется и правовая культура.

С этого времени государство заявляет о себе как инструмент политики, а люди через свое политическое сознание осознают свою государственность, понимание того, что только через государство и с помощью государства они могут реализовать свои интересы. Кардинально изменяется соотношение функций государства в пользу внутренней функции, обеспечивающей регламент общества и гарантирующей безопасность жизни людей.

Традиционно сложились две точки зрения на сущность государства – одна либеральная, вторая – консервативная. Суть первой заключается в том, что государство рассматривается как гарант жизнедеятельности человека, обеспечивающий возможности его свободы, а стало быть, его самоосуществления и самовыражения.

Суть второй сводится к рассмотрению государства как инструмента, направленного на ограничение произвола, защиту устоев общества.

Но и в первом и во втором случае прослеживается мысль об историчности государства. Возникнув в ответ на общественную потребность, рано или поздно институт государства должен исчезнуть, исчерпав потенциал своих возможностей осуществлять потребность быть посредником в отношениях между индивидом и обществом, обществом и другим обществом.

Общество, которое перестало быть общиной, может существовать только в форме государственно организованного целого, где каждый индивид как часть целого чувствует и осознает себя государственным человеком, ибо верит и надеется, что государство – единственный социальный институт в мире рыночных отношений, противостоящий стихии рынка спроса и предложений и гарантирующий меру правопорядка. Государство стоит или должно стоять выше частных интересов и амбиций, руководствуясь только идеей целостности общества, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие в метасистеме «природа – общество – человек». Но, если государство не укоренено, или не выросло изнутри, а привнесено извне или сложилось под влиянием особых обстоятельств, то такое государство не может претендовать на авторитет власти. В обществе отчужденного государства люди предпочитают жить не по закону, а по понятиям. Место диалога власти и общества занимают произвол, обман и продажность коррумпированных чиновников.

Авторитет власти олицетворяет только то общество, которое вырастает из социокультурного пространства своей ойкумены, обеспечивая преемственность и эстафету с властью авторитета. Процесс становления и развития государства сложный и длительный во времени.

1.2. От авторитета власти к гражданскому обществу

Длительный период государство как субъект авторитета власти выступало единственной формой организации общественной жизни, организуя и направляя всякую социально значимую деятельность людей. Однако, как правило предполагает исключение, так и государственная деятельность предполагает возможность внесударственной общественной деятельности, объем которой постоянно увеличивается в условиях становления индустриального общества. Пристальное внимание к этой форме общественной деятельности привело к тому, что в работах мыслителей Нового времени и философии Просвещения появляется термин «гражданское общество», оформляется его идея, как своеобразный ответ на исторический вызов в форме новой проблемной ситуации, актуальность которой возрастала по мере развития индустриального общества. Становление последнего войдет в историю как эпоха модерна или эпоха «формальной рациональности».

Идея гражданского общества получает свое развитие в работах Т. Гоббса и Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье. Если в работах мыслителей философии французского Просвещения гражданское общество рассматривается в позитивном плане, то негативный оттенок оно обретает в немецкой классической философии, особенно у Г. Гегеля⁷.

В последующее время интерес к проблеме гражданского общества ослабевает. Отчасти это объясняется тем, что место парадигмы «панрационализма» замещает философский плюрализм с ориентиром на приоритет проблемы человека и его индивидуальности, отчасти тем, что идея гражданского общества выполнила свое назначение как средство идеологического обеспечения буржуазных революций. И вероятно, еще и потому, что она обрела свое опредмеченное состояние в странах Старого и Нового Света, хотя этот вывод и не столь однозначен.

Спустя 150 лет идея гражданского общества получает второе рождение в связи с событиями 80-х годов в Восточной Европе, когда «холодное» противостояние Востока и Запада завершилось крахом мировой системы социализма. Однако анализ литературы по проблеме гражданского общества свидетельствует, что должного внимания она еще не получила.⁸

Идея гражданского общества XXI в. еще не имеет надлежащего концептуального оформления, а посему и не сложился тот уровень метатеории, который обеспечивает аксиоматический подход к рассмотрению заявленной проблемы. Вероятно, этим объясняются утверждения, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций и не больше, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального этапа, чтобы уже во второй половине XIX в. трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование.⁹

Другие авторы полагают, что идея гражданского общества никогда не обрела своего опредмеченного состояния. Она никогда не выходила за рамки идеала.¹⁰

Третьи – пытаются рассматривать феномен гражданского общества в абсолютном отрыве от института государства, определяя гражданское общество как «ту ткань нашей совместной

---

⁷ См.: Гегель. Философия права. М., 1991.

⁸ Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Канетти Э. Масса и власть. М., 1997; Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М., 1998; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996; Будь лицом: ценности гражданского общества: В 2 т. Томск, 1993; Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 9; Черниловский З. М. Гражданское общество: Опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6; Одишова А. В. Гражданское общество: Взгляд экономиста // Государство и право. 1992. № 8; Матузов Н. И. Гражданское общество: Сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3.

⁹ Seligman A. B. The Idea of Civil Society. New York, 1992.

¹⁰ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am-Main, 1990.

с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив», опираясь на рынок и общественность.¹¹

Есть и те, кто высказывает мысль о том, что феномен гражданского общества, являясь творчеством и продуктом эпохи Нового времени, продолжает существовать и ныне, претерпевая исторические модификации.

Исследование феномена гражданского общества и многообразие взглядов на его сущность и перспективу сопряжено с попыткой решить проблему взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества, выявить правовое пространство этой взаимосвязи, определив статус государства и гражданского общества в системе общества.

Нет единого ответа и на вопрос, что есть гражданское общество в условиях XXI в. – как времени постмодерна и формирования индустриального общества. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить истоки, проследить становление и рассмотреть развитие гражданского общества, изучить феномен человека, помня о том, что человек – это «чело – века», и в каждую историческую эпоху это «чело» уникально и неповторимо, но о своей неповторимости человек заявляет только в обществе и через общество.

В Древней Индии человек ориентирован на достижение нирваны через отрешение от всего земного. Он стремится к воссоединению атмана (души) с Брахмой (космическим духовным началом) и обретению духовной целостности.

В Древнем Китае человек повинуется потоку жизни, которая, в свою очередь подчиняется законам Дао как подлинному бытию мира. Из бытия мира все начинается и в него все возвращается, а посему человеку лучше следовать Дао, чем проявлять сомнительную активность. Этим определяется и предпочтение недеяния, чем деятельности без меры.

Ориентир на отрешение от земных интересов в первом случае, и ориентир на принцип недеяния во втором случае свидетельствуют, что Древний Восток не приемлет идею гражданского общества как среды высокой жизненной активности с определенной мерой ответственности за эту активность.

Иная картина складывается в Древней Греции, где парадигма космоцентризма начинает уступать место парадигме антропоцентризма. Последняя ориентирует человека на познание мира и самопознание с целью самоосуществления. Формируется особая культура стыда. Страх показаться нелепым определял поведение древнего грека, заставлял его быть лучшим среди многих других. Отсюда жажда первенства, которая нашла свое выражение в расцвете театра, риторики, эристики, вербальной философии, в организации и проведении Олимпийских игр.¹²

Победа в любом начинании всего лишь первый шаг к самовыражению и самореализации в «кругу своих», для которого характерны единство языка, совместная территория, общий рынок, совместимость, солидарность и взаимная польза, устойчивость и ролевое участие, надежда на справедливость.

В «кругу своих» права и обязанности совпадают. Древний грек как гражданин полиса имел права, которые совпадали с обязанностями. Он не только имел право участвовать в ритуалах, вершить судопроизводство, нести воинскую службу, но и обязан был осуществить это право. Право выступает как естественная система норм, регулирующих общественные отношения. Свобода гражданина древнегреческого полиса предполагала не столько меру произвола и самовыражения, сколько меру его ответственности. Так складывались принципы общежития, где индивид еще не осознал свою индивидуальность, но уже заявил о себе как часть целого.

В эпоху Средневековья парадигма теоцентризма отводит человеку роль посредника Бога на земле. Человек есть существо духовное, устремленное в потусторонний мир. «Культуре стыда» парадигма теоцентризма противопоставляет «культуру вины», которая предполагает

---

¹¹ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С. 89.

¹² Розанский И. Д. Античный человек // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 282–298.

иную систему ценностей – суд совести, не зависящий от суда толпы. В рамках этой культуры человек ориентируется не на общественное мнение, а на признание своей вины перед Богом, на свое покаяние. Не от общины, не от полиса, а от конкретного индивида зависит его перспектива попасть в рай или ад. Акцент на индивидуальность, без которой не состоялось бы современное общежитие людей, свидетельствует о том, что Средневековье выше Античности настолько, насколько юность выше детства.

Антропоцентризм эпохи Возрождения редактирует теоцентризм Средневековья. Человек рассматривается в его земном предназначении. Он способен к самотворчеству. Способность к подражанию и к самотворчеству обеспечила эволюцию человека от животного состояния до существа с претензией выполнить особое предназначение в этом мире. Человек заявляет о своей свободе и праве выбора своей участи. Он выбирает и несет ответственность за этот выбор.

В эпоху Реформации при рассмотрении феномена человека и определении его статуса в значительной мере усиливается внимание к его социальной активности. Человек живет не для того, чтобы есть (в этом случае он ничем не отличается от животного), а для того, чтобы работать. Только в работе он может найти себя и выразить свою подлинную сущность, самоосуществиться. В труде и общении человек осознает свою индивидуальность и одновременно необходимость проекции и идентификации с определенной общностью людей, что обеспечивало последующее закрепление его принадлежности через символы социализации к гильдии, цеху, ордену, коммуне, сословию.

Отношение индивида к определенной социальной структуре обретает форму договорного отношения. Каждая упорядоченная социальная структура предполагает свой статус индивида по договору (пакту, контракту), его права и обязанности, а также конкретные стандарты и нормы общежития. Формируется ответственное бытие человека перед другим человеком, где мерой ответственности выступают честь, совесть и долг.

Общность людей на основе договорного начала, единые стандарты и нормы поведения обусловили новое качество общества, принципиально отличного от античного общества или средневекового сообщества.

Становление и развитие новоевропейской цивилизации уточняют типологию общностей людей, содержание договорных отношений, стандартов и норм общежития. Капиталистический способ производства расставляет свои акценты, формируя социальную структуру общества в соответствии с отношениями собственности на средства производства. Частная собственность на средства производства определяет роль каждой малой или большой социальной группы в организации общественного производства, определяет меру обмена, распределения и потребления произведенного продукта. В конечном итоге, частная собственность на средства производства определяет место этих социальных групп в исторически сложившейся системе общества, а стало быть, и место человека в этих группах, его социальное измерение.

Поскольку экономические отношения, связанные с господством частной собственности на средства производства, нуждаются в закреплении и освящении через политику и право, мораль и религию, то наряду с процессом самоорганизации эмансипированного гражданина складывается механизм оформления нового статуса государства как института авторитета власти. Функция защиты внешних границ и обеспечения территориальной целостности дополняются функцией регламента жизни общества. Государство заявляет о себе как авторитет власти.

Что касается процесса самоорганизации людей, то он изначально ориентирован на становление и развитие сообщества вольных людей, связанных чувством взаимной симпатии и товарищества, что сильнее кровных уз и территориальных связей¹³.

---

¹³ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт написания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 160–169.

Базовыми ценностями этого сообщества выступают свобода и справедливость, милосердие и солидарность, взаимосвязь и взаимодействие, благожелательность и взаимодоверие, взаимоприязнь и взаимоуважение при одновременном дистанцировании от других. Последние при определенных условиях воспринимаются как чужие.

Государство как институт регламента жизни общества и его политической деятельности, а также идея гражданского общества как сообщества вольных граждан в проявлении их социальной активности образуют особое диалектическое противоречие, где люди выступают в двух ипостасях: как подданные государства и как граждане свободного общества, именуемого гражданским обществом. В конечном итоге, это противоречие обретает характер противостояния авторитета власти и авторитета народного согласия. Оно ставит под сомнение целостность индивида, разрывает его сущность и существование, сохраняя иллюзию их единства.

Поскольку экономическое отчуждение приводит к политическому, то индивид в ипостаси подданного оказывается отчужденным от власти бюрократии. Однако индивид в ипостаси гражданина стремится не только защитить, но и расширить пространство своей частной жизни, компенсировать свою политическую отчужденность через свою включенность в структурно организованные по интересам большие или малые социальные группы. Так складывалось гражданское общество как уникальное творчество новоевропейской цивилизации эпохи модерна с ориентиром на снятие конфликтов цивилизованным способом, апеллируя к взаимному доверию и не доводя проблемную ситуацию до вмешательства государства с его достаточно жесткими структурами. В результате оформляется новое качество отношений между подданным государства и гражданином гражданского общества как свободного сообщества равных людей, способных к творческому созиданию своего общежития и осуществлению своих потребностей.

В качестве ключевых ценностей гражданского общества заявила о себе **свобода** как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности, а также **право** как мера справедливости.

В рамках гражданского общества свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек заявляет о себе как существо пассивное, страдательное, ибо он объект внимания и манипулирования, заботы и наказания. В гражданском обществе человек заявляет о себе как существо автономное и суверенное. Он равный среди равных, ибо люди по своей воле объединились в сообщество и логично предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которым и намерены следовать.

Мера свободы, а стало быть, и выбора в условиях гражданского общества несоизмеримо выше, чем в отношении «подданный – государство», хотя и в отношении «гражданин – сообщество» есть своя «ахиллесова пята». В обществе бал правит простое большинство. Большинство – это сила, но не всегда истина, что ведет к недоразумениям, амбициям, тяжбам, а в конечном итоге – к ослаблению единства сообщества. Меньшинство оказывается заложником большинства. Пока люди организуют свое сообщество на уровне процесса, они имеют возможность активно вмешиваться в свое творчество. Но как только это творчество обретает опредмеченные формы, оно получает относительную самостоятельность, независимость от тех, кто его созидал, ибо в своем развитии оно уже подчиняется своим законам, а не воле своих творцов (созидателей).

И, наконец, свобода имеет множество проявлений, но не все они оцениваются адекватно. Чаще всего это восприятие на уровне «так и должно быть». Что касается свободы как результата преодоления одной из форм отчуждения человека от собственности, власти и культуры, то эту свободу может оценить лишь тот, кто прошел дорогу от невольника до вольноотпущенника, преодолев путь заложника чужой воли. Нужно тяжело переболеть, чтобы осознать и должным образом оценить состояние здорового человека.

Если в обществе отсутствует свобода или она не оценивается должным образом, то там нет и условий для возникновения и становления гражданского общества. Особенность гражданского общества заключается в том, что его нельзя создавать искусственно там, где отсутствует реальная свобода и ее адекватное восприятие, где отсутствует понимание ее ценности.

Гражданское общество можно инициировать сверху, но нельзя создать директивным указом, ибо в основании гражданского общества заложен динамизм экономики и политики. Правда, это рождает иллюзию, что авторитарной системе все подвластно, что на базе абсолютного управления экономикой и рыночными отношениями можно создать и гражданское общество. По форме, может быть, и можно, но только не по содержанию. Динамичная экономика несовместима с тотальной централизацией власти. Она более отвечает гражданскому обществу с его модульными возможностями рекомпоновки своих структурных образований в соответствии с конъюнктурой рынка и рыночных отношений. Гражданское общество как сообщество свободных людей предполагает известную дистанцию между государством и экономикой, базисом и надстройкой.

Онтологическим основанием гражданского общества выступают рынок и его отношения, государства – политика и ее отношения.

Онтологическим основанием гражданина общества является собственность в предельно широком смысле этого слова, подданного государства – свобода в ее правовом измерении.

Поскольку экономические отношения нуждаются в политическом и правовом закреплении, постольку возможен и даже необходим «симбиоз» государства и гражданского общества, ибо политические и социально-экономические отношения являются «скрепами» не только общества, но и человека. Без этого единства человек теряет свою интегративную целостность, свое духовное равновесие, свою общественную сущность, а общество превращается в механический конгломерат людей, в толпу.

В истории становления и развития этого тандема можно выделить этапы, где принцип паритета и форма мирного сосуществования уступали месту принципу приоритета и форме экспансии по отношению к другому. В историческом плане равновесие скорее исключение, чем правило. Примером доминанты государства может быть тоталитарная политическая система абсолютной власти. Примером доминанты гражданского общества может служить демократическая система либерализма, где государство является всего лишь средством, а не самоценностью, где на первом месте стоят социально-экономические отношения, где идеологический монизм уступает место мировоззренческому плюрализму.

Общество, основанное на базе материального производства и рынка, оптимально может существовать и развиваться только на основе заявленного симбиоза государства и гражданского общества. Если институт государства блокирует возможности этого тандема, подрывает устои гражданского общества, тогда реальностью становится модель авторитарного или тоталитарного режима.

Гражданское общество заявляет о себе как естественная форма оппозиции авторитету власти. Нормой гражданского общества является подчинение индивида договорным отношениям. Только в гражданском обществе индивид обретает статус субъекта свободы и юридического лица, освобождаясь от статуса быть заложником чужой политической воли, объектом манипулирования, пребывать в ипостаси только физического лица.

При всей кажущейся предпочтительности гражданского общества по сравнению с государством нужно исходить не из абстрактных пожеланий сделать общественную жизнь более человеческой, а принимать во внимание законы истории и специфику развития конкретного общества.

Гражданское общество возникает там и только тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плю-

рализма; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти существенно редактируется состоянием гражданского общества.

Проблема взаимосвязи и взаимообусловленности гражданского общества и государства – это «отраженный свет» проблемы взаимосвязи воли властителя и воли подданных. Еще Аристотель в своей «Политике» обосновал тезис о том, что вне полиса человек не может быть человеком, ибо «по природе своей (человек. – *И. К.*) есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...»¹⁴

Перспективу имеет только среднее положение, исключаящее как эгоистическое своеволие индивида, так и абсолютную волю авторитета власти в лице государства, обретающей форму права как воли, возведенной в закон для подданных (подвластных).

В условиях становления и развития новоевропейской цивилизации реальностью выступает подданный государства. Принимая нормы общественного порядка, он оказывается разорванным между волевым императивом прав человека и управленческой целесообразностью бюрократии. Бюрократия является воплощением авторитета власти, ее инструментом.

Воля «человека-винтика» входит в противоречие с волей «государственной машины», когда в процессе повседневности права конкретного человека нарушаются ради сохранения конституционных прав абстрактного человека.

Только через гражданское общество открывается возможность, если не преодолеть отмеченное противоречие, то хотя бы сгладить его остроту. Эту возможность отдельно взятый человек обретает через механизм своей социализации, который включает проекцию, идентификацию и социальную символизацию. Через механизм социализации он отождествляет себя с интересами одной из больших или малых социальных групп. Факт отождествления своих интересов с интересом одной из социальных групп выводит отдельно взятого человека из состояния «без вины виноватого страдательного начала», рождает уверенность в силу «круга своих» отстоять свое право на реализацию своего интереса. Он обретает уверенность в солидарности «своих» и надежду на осуществление справедливости. В этом случае интерес выступает не как форма выражения витальных потребностей, не как безличная и нейтральная конструкция, а как образ воли к самовыражению и самоосуществлению, который многократно приумножается в «кругу своих».

Механизм проекции, идентификации и социальной символизации закрепляет дифференциацию общества, становление экономической децентрализации и оформление мировоззренческого плюрализма. Экономическая децентрализация и мировоззренческий плюрализм являются существенными признаками индустриального общества эпохи модерна. Они и заложили предпосылки возникновения и становления гражданского общества.

Возникновению гражданского общества способствовала и особая культура индустриального общества с ориентиром на репродуктивную деятельность. В рамках этой культуры индивид получает возможность не только избрать профессию, но и освоить ее на теоретическом и практическом уровне. Он может сменить свои ценностные ориентиры, обрести новый социальный статус и принадлежность к новой социальной группе, заявив о себе, что он не раб, а господин своей воли.

---

¹⁴ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 378.

Появление гражданского общества, как справедливо отмечает Э. Геллнер, размыкает жесткую связь социальной жизни и авторитета власти. В отличие от императивов государства, гражданское общество не претендует на статус священного института. Оно изначально аморфно и плюралистично, самоиронично и самокритично.¹⁵ Индивид в гражданском обществе получает возможность большего выбора вариантов своего бытия в обществе, что не исключает, а предполагает ответственность за этот выбор. Тогда как в условиях тоталитарного режима бытие человека, как правило, является выбором без выбора, но и без какой-либо ответственности за свое бытие. В условиях тоталитарного режима, абсолютного авторитета власти, индивид не выбирает свое бытие, а получает его.

Эпоха модерна, положив начало гражданскому обществу европейской реальности, несла на себе печать антропоцентризма и рационализма. Она декларировала самоценность человека. Ее лозунги рождали надежду на светлое будущее и эта надежда подкреплялась ставкой на разум и его возможности.

Идеи свободы, равенства и братства разрушили традиционное общество, заявив о приоритете культуры и торжестве разума. Если традиционное общество апеллировало к авторитету веры, то эпоха модерна как эпоха формальной рациональности, подорвав традицию, разрушила не только веру в Бога, но и веру в абсолютность нравственных норм. Мораль перестала играть роль стабилизирующего фактора общественной жизни. Она стала частным делом индивида. Место морали занимает право с его способностью рационализировать регламент общественных отношений, сделать общество абсолютно прозрачным. Свобода объявляется высшей ценностью эпохи модерна, а право обретает атрибутивно-императивный характер, где атрибутивность представлена набором возможных диспозитивных норм, а императивность – обязательностью и санкциями по их исполнению. Право заявляет о себе как мера порядка и мерило справедливости.

В хозяйственной сфере свобода рыночной экономики основывалась на идее, что логика рынка, ориентированная на отношение спроса – предложения, является наиболее рациональной. Спрос диктует предложение, а предложение редактирует остроту спроса, что находит свое выражение в механизме ценообразования.

В политической сфере свобода обеспечила переход к либерально-демократическому порядку, в условиях которого религия объявлялась личным делом отдельно взятого человека, а место монархии заняла парламентская республика.

В итоге рационализации общественной жизни сложилась новоевропейская цивилизация с претензией обеспечить «царство человека на земле». Но в своем становлении и развитии она продемонстрировала не столько торжество разума, сколько диктат формы в диапазоне: «формализовать», «ограничить», «определить», «упорядочить», «покорить». Право рассматривается как воля экономически и политически господствующего класса, возведенная в силу закона.

Превращение науки как опредмеченной формы разума в непосредственно производительную силу общества существенно расширило возможности материального производства. Покоренная природа превратилась в испытательный полигон, а человек оказался объектом эксперимента. Экспансия в адрес природы обернулась усилением процесса отчуждения человека. Формальная рациональность обретает свою противоположность. Она заявляет о себе как социальная иррациональность.

Иррациональность экономики проявилась в механизме фетишизации товара, денег и капитала.

Иррациональность в политике заявила о себе инверсией бюрократии в бюрократизм, приоритетом закона над правом.

---

¹⁵ Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. С. 105–111.

Иррациональность в культуре проявилась в засилье массовой культуры, в недооценке общечеловеческих ценностей, что привело к расщеплению единого смыслового поля культуры на множество обособленных сфер.

Техногенная цивилизация существенно потеснила культуру, место биофилии заняла некрофилия¹⁶. Персонификация общественных отношений и деперсонификация людей стали нормой.

Социальная иррациональность заявляет о себе реакцией отчужденного человека, переживающего свое состояние в интервале от осознания своего бессилия до желания использовать социально не одобряемые средства и способы решения своих проблем в отношениях с миром.

Формализация политической и общественной жизни нарушила зыбкое равновесие института государства и института гражданского общества. Превращение бюрократии в бюрократизм привело к инверсии государства в систему самообеспечения. Государство «выламывается» из общества и заявляет о себе как абсолютная ценность, стоящая над обществом. В этих условиях гражданское общество угасает. Его ценностные ориентиры перестают работать.

Процесс дифференциации общественной жизни, усиленный культурным плюрализмом, ослабил гражданское общество, сделал его формальным. Общество как структура взаимосвязанных элементов обрело тенденцию быть, скорее, метасистемой чем системой, ибо каждый его элемент (сфера) заявил о своей самодостаточности и претензии на системность.

Реальностью стало накопление деструктивных сил, ставящих под сомнение незыблемость порядка, устоев общественной жизни. Все это привело к тому, что в научных кругах одни заговорили о «конце истории»,¹⁷ другие о том, что новоевропейская цивилизация переживает кризис, ибо она перестала обеспечивать тот минимум солидарности и справедливости, который необходим для нормального функционирования сообщества. Ослабление солидарных связей делает гражданина сообщества не просто подданным государства, но и заложником его политики.¹⁸

Поскольку современное государство характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью, то это позволило французскому мыслителю Ж.-Ф. Лиотару назвать современное общество обществом переходного периода. И это состояние он характеризовал как «ситуацию постмодерна», где старая шкала ценностей не работает, а новая еще не сложилась.¹⁹

Современный этап общественного развития требует пересмотра привычных форм общественной жизни. В них исчезло ощущение «Мы», ориентированное на достижение справедливости и солидарности. Только в малых социальных образованиях современный человек находит то, чего не дает ему «большое» сообщество. Только в границах «своей колокольни» он еще находит понимание и сочувствие, солидарность и надежду на справедливость, ибо все эти социальные характеристики имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер, утверждающий нравственные начала общественной жизни.

В малых социальных образованиях трудно исказить информацию, а посему трудно манипулировать общественным мнением. Открытость этих образований обуславливает непосредственное участие людей в самоуправлении, заставляет их добровольно брать на себя меру ответственности за себя и других, обеспечивая устойчивость и прочность единства как общественного бытия, так и общественного сознания. Солидарное «малое» общество ориентировано на принцип справедливости, а поэтому оно нуждается не столько в праве, сколько в морали, выполняющей роль социального регулятора с опорой на общественное мнение.

---

¹⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 155.

¹⁸ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997; Печенин А. Человеческие качества. М., 1985; Марсель Г. Люди против гуманности // Философские науки. 1994. № 1–3.

¹⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

Несмотря на привлекательность малых социальных образований, необходимость гражданского общества и государства в современных условиях постмодерна не подлежит сомнению. Но реализация этой необходимости обуславливает иное качество и гражданского общества, и государства. Это уже должно быть иное гражданское общество и иное государство, где атрибутивно-императивное право авторитета власти сомкнётся с нравственным началом взаимосвязи общества и человека. Этот тандем обязан переступить через этап формальной рационализации. Только устранив свою иррациональность, он может обрести желаемое качество. Государство, как олицетворение авторитета власти, должно оставаться гарантом безопасности от внешней агрессии и внутреннего раскола, не занимаясь «мелочным» вмешательством в поведение своих подданных и не вторгаясь в частную жизнь граждан сообщества. Оно должно оставаться одним из структурно организованных элементов общества до тех пор, пока оно не исчерпало свои возможности и свою необходимость.

Что касается гражданского общества, то для него в условиях формирования новой шкалы ценностных ориентиров актуализируется проблема совмещения личного, общественного и корпоративного начал, проблема взаимосвязи малых социальных образований на принципах суверенитета, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Это новое качество «симбиоза» государства и гражданского общества проверяется мерой солидарности и справедливости, способностью решать диалектическое противоречие между гражданином сообщества и подданным государства, между гражданским сообществом и государством, обеспечивая интегративную целостность индивида; обеспечивая не иллюзорное, а подлинное равновесие основных институтов общества, в качестве которых выступает государство и самоуправление, капитал и труд, а также семья. Последняя обеспечивает истоки гражданского общества, его воспроизводство, неся на себе печать всех существующих противоречий общества. Между компонентами, составляющими структуру современного общества, возможны противоречия любой силы. Но эти противоречия разрешимы в условиях взаимосвязи правового государства и гражданского общества, той взаимосвязи, которая обеспечивает самоорганизацию общества как системы. Эта система предоставляет своим гражданам определенную меру свободы самоосуществления, солидарности и справедливости, а также гражданского согласия. Поэтому третье тысячелетие может и должно проходить только под знаком становления и развития нового качества государства и гражданского общества с последующей трансформацией авторитета власти в новое состояние власти авторитета, базовым основанием которой будет выступать гражданское согласие²⁰.

Выполнив свое назначение, государство в своей претензии на авторитет власти прекратит свое существование, и тогда начнется подлинная история человечества, человеческого духа, и только тогда человечество оптимальным способом решит проблему единства индивидуальной добродетели и общественной справедливости, которую сформулировал древнегреческий мыслитель Платон, завещая решение этой проблемы потомкам.

В отличие от государства, гражданское общество имеет длительную перспективу, ибо для человечества противопоставлен тоталитарный централизм власти. Человечество не может вернуться и к традиционному обществу. Оно может двигаться в своем развитии только к сообществу свободных людей, ориентированных на меру солидарности, справедливости и гражданского согласия, преодолевая издержки индустриального и информационного общества. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с Э. Геллнером, что идею гражданского общества сегодня извлекли почти из небытия.²¹ Отчасти, ибо этому «извлечению» предшествовали кардинальные изменения. Новоевропейская цивилизация простилась с эпохой

---

²⁰ Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт//Материалы международного симпозиума. М., 1995.

²¹ Геллнер Э. Условия свободы. С. 11.

модерна, с эпохой иллюзий панрационализма и надежд, связанных с деятельностью государства. Другими словами, субъективный интерес к проблеме гражданского общества детерминирован новыми объективными обстоятельствами развития человечества на рубеже третьего тысячелетия.

Крупнейший мыслитель первой половины XX в. С. Л. Франк в своей последней работе «Свет во тьме» писал, что сто лет тому назад А. И. Герцен предсказывал нашествие «Чингисхана с телеграфами» и это предсказание оправдалось. Новый дестроер, родившись в недрах Европы, обрушился на мир силой танков и самолетов, концлагерей и газовых камер. И виной тому не отдельный народ или его доктрина: «Германия превыше всего», а духовная болезнь тех, кто воспринял эту доктрину снисходительно, терпимо и даже благосклонно, хотя еще вчера ориентировался на общепризнанных представителей гуманизма и наставников человечества, таких, как И. Кант или И. Гете.²²

Сегодня, когда в мире обозначился переходный период, каковым в Европе является время постмодерна, а в России – переход к иному обществу, старые ценностные ориентиры перестают работать, а новые ориентиры еще не сложились, – возникает возможность очередного «впадения в варварство», возникает возможность появления очередного «Чингисхана», но уже с «сотовым телефоном» и возможностями массового истребления людей, уничтожения памятников культуры на порядок выше прежнего.

И чтобы эта возможность не стала реальностью, бесчеловечной машине авторитета власти общество должно противопоставить новое качество власти авторитета, включив в общественную жизнь институты гражданского согласия и гражданского общества. Только в этом случае можно блокировать культ духа ненависти и презрения к человеческой жизни, обрести достойную перспективу, помня о том, что история человечества проходит свое развитие под знаком двух факторов: насилия и свободы. Что касается фактора насилия, то он опирается на принцип «не заметить человека, переступить через него, использовать его как средство сомнительных целей». Фактор свободы в этом отношении предпочтительнее. Он гарантирует подлинные права человека, включая право на самоосуществление, самовыражение и самореализацию.

---

²² Франк С. Л. Свет во тьме. М., 1998. С. 33.

1.3. Гражданское согласие как предпосылка нового качества власти авторитета

Второе прочтение идеи гражданского общества в условиях трансформационных процессов постсоветского пространства имеет своих сторонников и противников. Вторые полагают, что нынешняя востребованность идеи гражданского общества обусловлена исключительно идеологическими соображениями и что она несет на себе печать политической ангажированности.

В условиях необходимости очередной «инвентаризации» ценностных ориентиров, которая заявляет о себе как исторический вызов, поиск достойного ответа через обращение к идее гражданского общества вполне правомочен. Любая проблемная ситуация начинается с идеи ее решения, и эта идея должна быть добротной во всех смыслах. Будучи подготовленной «интеллектуальным меньшинством», идея будет адаптирована консервативным большинством (населением), но только в том случае, если ее эвристический потенциал будет очевидным. Только в этом случае усилия теоретического сознания получают свою пролонгацию на уровне обыденного сознания. И только тогда идея решения проблемы заявит о себе как материальная сила, а не ее фикция.

В случае с гражданской идеей в пользу первого варианта свидетельствует ее исторический опыт (новое – это подчас хорошо забытое старое), а также базовые основания этой идеи и ее осуществление через проекцию экономических, политических, социокультурных и правовых основ.

Основу протогражданского общества составляет «экономический» человек, субъект собственности. Только через собственность, как «наличное бытие человека, его общественную волю, объективированную субъективность», человек может проявить свою социальную активность. Только через собственность своего бытия человек может заявить свое несогласие служить объектом манипулирования, быть средством сомнительных целей. Только через собственность человек может инициировать гражданские инициативы.

Собственность человека – это не вещи (блага), ему принадлежащие, а сам человек в его самости и самодостаточности. Это его волевое отношение к миру и к самому себе. Когда человек выполняет чужую волю, является заложником этой воли, он не является субъектом собственности. В этом случае он выступает объектом собственности, является чужой собственностью.

Первое проявление отношения собственности – это волевое отношение в системе «субъект – объект», которое заявляет о себе через процесс объективации и субъективности в форме идеального; второе проявление отношения собственности – это вступление в овладение через материальное; третье проявление отношения собственности – потребление материального через его субъективацию и формирование потребности в благе. Высшим благом для человека является его жизнь, а первоценностью жизни – мысль человека, его способность к рефлексии на уровне самости как подлинной собственности.

Присвоение через отчуждение и отчуждение через присвоение есть обмен как предпосылка рынка и рыночных отношений, где индивидуальное «я» обретает характер социального «я». В обмене и через обмен субъект вступает в отношение не столько с вещами, сколько с другими людьми, где каждый, в первую очередь, заявляет о своем статусе собственности. На этом этапе отношение собственности выступает как общественное отношение, которое предполагает наличие уже не одной воли, а, по меньшей мере, двух и больше, что предполагает в конечном итоге гражданский договор как форму согласованной, коллективной воли. Только так становится возможной сделка «купли-продажи», только так складываются пред-

посылки гражданского общества. Процесс движения от первого проявления отношения собственности до общественного отношения согласованной воли достаточно сложный и на каждом этапе может подвергаться внешним воздействиям, из-за которых гражданское общество может и не состояться или затормозить свое становление.

Эмпирическая модель Средневековья демонстрирует длительный путь освобождения воли, обретения свободы как формы проявления воли, формирования субъекта деятельности как формы практической воли через отношение к другому, где деятельность выступает способом бытия человека, а конкретное социальное пространство и конкретное историческое время – формами проявления и осуществления этого бытия.

Через деятельность, обмен и систему общественных отношений с «другим» шло становление городских поселений и их самоуправления. Последнее заявило о себе как прото-гражданское общество или гражданское общество в его становлении. «Ахиллесовой пятой» этого общества была структура отношений в системе «мастер – подмастерье – ученик», которая начисто перечеркивала возможность социально-политического единства, а, стало быть, и достижения состояния гомогенности. Отсутствие гомогенности обуславливало усиление вертикали власти. Всякая попытка участия в делах авторитета власти только вела к усилению процесса социальной дифференциации общества.

Последующее развитие общества связано с углублением экономического неравенства и последующей борьбы за власть, в ходе которой идея несостоявшегося гражданского общества была использована как средство идеологического обеспечения буржуазных революций. Победа буржуазии и утверждение капиталистического способа производства отнюдь не стали фактором развития гражданского общества. Фетишизация товара, денег и капитала вела к централизации власти через усиление государства, которое вмешивается не только в регулирование финансового потока, но и в систему общественных отношений, ставя под жесткий контроль те «горизонтальные» отношения, которые составляют стержень гражданского общества.

Благоприятно складывалась судьба гражданского общества в Америке, где его источником выступила городская община разных, но равных людей. И хотя это общество складывалось спонтанно и не имело онтологической укорененности (собственной ойкумены), оно имело больше шансов состояться в качестве гражданского общества, используя наработанный европейский опыт. Но оно не состоялось по причине мирового экономического кризиса, который актуализировал проблему передела мира и вступление США в Первую мировую войну. Последнее обстоятельство вело к усилению института государства. Государство взяло на себя не только контроль финансового обеспечения военной операции, но и обеспечило жесткий контроль состояния общественных отношений, являющихся прерогативой гражданского общества. В результате гражданское общество остановилось в своем развитии, трансформировалось в механическую совокупность солидарных образований, каждое с ориентиром на «собственную колокольню».

Что касается России, то в ней изначально отсутствовали основания гражданского общества, ибо ни в крестьянской общине, ни в городских поселениях не было должного уровня свободной воли, а стало быть, не было и согласованной воли, обеспечивающей гражданское общество в его становлении и развитии.

Не было – не означает, что в гражданском обществе нет необходимости. Если страны постсоветского пространства заявили о построении правового государства, то они должны создавать возможности становления гражданского общества, ибо без гражданского общества все заявления о строительстве правового государства носят характер декларации, и не больше. Общество может успешно развиваться только в том случае, когда его элементы структурно организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда оно сильно и государством и гражданским оплотом.

Формирование правового государства тщетно, если оно не предполагает целесообразное существование суверенных людей, равных и обладающих частной собственностью как условием их самовыражения и самоосуществления. К сожалению, реформы переходного периода не только не сформировали так называемый средний класс (становой хребет гражданского общества), а наоборот, отодвинули эту цель. Пока что идет процесс поляризации общества на очень богатых и очень бедных людей, на опасность которой указывал еще Аристотель в своей «Афинской политике». Древнегреческий мыслитель полагал, что общество должно придерживаться середины между излишеством и недостатком, ибо излишества порождают обожравшихся наглецов, а недостаток – опустившихся подлецов; а вместе они ставят под сомнение перспективу как развития общества, так и благополучия личности.

Благополучие личности, ее самовыражение (свободное проявление воли), определяются ее суверенностью и ее собственностью. Только «экономический человек» делает гражданское общество возможным.

Политические параметры гражданского общества связаны не с вопросом «что есть гражданское общество», а с вопросом «что оно может».

Функциональная направленность гражданского общества явилась предметом неутихающего спора, истоки которого восходят к античности. Для большинства концепций характерно стремление определить отношение между частной и публичной, индивидуальной и общественной сферами, нравственностью и моралью, правом и законом, желаниями индивида и общественными потребностями. Другими словами, налицо попытка решить проблему, которую сформулировал еще древнегреческий мыслитель Платон: «Как обеспечить гармонию между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью?»

В ходе перманентной дискуссии по проблеме гражданского общества сложился и его критерий. В качестве критерия гражданского общества рассматривается наличие или отсутствие гражданского коллектива как ассоциации равноправных, свободных, а стало быть, автономных и активно действующих индивидов, с ориентиром на собственное благо и благо общества, ибо их частная жизнь протекает в сфере публичной жизни.

Существенной характеристикой гражданского общества является сфера частной жизни, в которой физическое лицо реализует частные интересы, где свободная и самоопределяющаяся индивидуальность выдвигает свои требования, ориентированные на удовлетворение своих потребностей. Но эта сфера личной жизни предполагает наличие и сферы публичной жизни. Более того, без второй не состоится первая. Если в сфере личной жизни деятельность индивидов заявляет о себе как объективный способ их бытия в мире, то публичная жизнь этих индивидов заявляет о себе как социальное пространство, как форма проявления индивидуального бытия в мире.

В пределах публичной сферы уравнивается социальная активность индивидов, формируется отношение «я и другой», оформляется солидарное «мы», обусловленное однотипными интересами. Этот процесс упорядочения общественных отношений снимает обострение противоречий в системе «я и другой», блокирует механизм перманентной «войны всех против всех». Место нетерпимости и ненависти занимают терпение и терпимость. Общество реализует принцип толерантности. Диалектика единичного и общего, частного и публичного обеспечивает единство эгоизма и альтруизма человека, его целостность.

В историческом плане проблема соотношения единичного и общего складывалась в ходе дискуссии о сосуществовании личности и общества, общества и государства. Истоки этой дискуссии заложила политическая философия Платона и Аристотеля. Платоновская концепция нашла свое отражение в философии Аврелия Августина «О граде Божием». Аристотелевская концепция получила свое выражение в философии Фомы Аквинского.

Для Августина «град Божий» есть воплощенная форма идеального платоновского государства, принципиально отличная от «града земного». Следуя евангельскому наставлению

«воздайте кесарю кесарево, а Богу богово», Августин закладывал основания демаркационной линии не столько между духовной и светской властью, сколько между обществом и государством.

Аристотелевская концепция полисной ассоциации и политического (общественного) человека была востребована в политической философии Фомы Аквинского. Государство – не продукт греха, а результат общественной природы человека. Государство является инструментом положительного благосостояния. Оно служит обществу и общественному человеку. Правитель, будучи ответственным за благосостояние общества, является провозвестником блага, которое он приближает силой закона. Закон – это веление разума, направленного на общественное благо. Он содержит в себе волю и разум правителя. Так оформлялась модель государства как внеличностная целостность, воплощавшаяся в фигуре монарха.

Разделяя вслед за Аристотелем формы правления на монархию, аристократию и демократию, Фома Аквинский предпочтение отдал первой, ибо она оптимально обеспечивала общественное благосостояние, воплощая единство цели и воли монарха. Критерием формы правления выступала мера «всеобщего благоденствия».

Определив в качестве критерия меру всеобщего благоденствия, мыслитель тем самым определил свое отношение к государству. Функции государства не должны ограничиваться только охраной порядка и обеспечением защиты от внешней экспансии. По мнению философа, государство должно взять на себя заботу об экономической стороне жизни общества, которая составляет его базис. Государство должно контролировать рынок, обеспечивая равенство и свободу товаропроизводителей и потребителей. Оно должно препятствовать получению несправедливых доходов, защищая справедливые цены на товар и плату за труд, способствовать всеобщему благоденствию. Фома Аквинский одним из первых заявил о целесообразности социального законодательства как основной функции государства, защищая идею предела государственного вмешательства в частную жизнь людей и одновременно рассматривая государство как форму организации «нормальной жизни общества и личности».

В эпоху Ренессанса и Реформации²³, когда была подорвана духовная монополия церкви, определилась тенденция формирования национальных государств. Под знаменем меркантилизма формировалось экономическое пространство, складывалась культура приоритета экономических отношений. Модель «церковь – государство» уступала место модели «государство – церковь». Реальностью становилось государство как внеличностная целостность, воплощавшаяся в фигуре монарха.

Если Античность решала проблему интегративной системы «общество – государство», то увертюра к Новому времени конституировала государство в качестве института власти, гаранта прав и обязанностей. Пролог к Новому времени сделал заявку на самостоятельность государства, его независимость от общества. Более того, в этот период складывалась претензия государства стать над обществом и похоронить традиции тождества государства и общества.

Претензия государства быть силой вне общества и над обществом покоилась на присвоении государством права. Государство не только присваивает право, но и реализует его силу через закон. Без определенного обеспечения, право всего лишь абстракция, декларация, атрибут общества. Право, обеспеченное санкциями государства, добавляет к своей атрибутивности императивность. Оно обретает характер не только целесообразности, но и обязательности. В отличие от общества, государство не только провозглашает, но и гарантирует права и обязанности тех, кого оно представляет.

Реакцией на господство абсолютной власти в лице монархии стали буржуазные революции. Место монархического государства заняло буржуазное, всеохватывающее государство.

---

²³ Это было время первоначального накопления капитала, время торжества принципов: «Победителя не судят», «Цель оправдывает средства».

Национальный суверенитет означал абсолютную власть нации, действующей через своих представителей. Это было заявлено и обосновано в теории, а на практике государство реализует волю экономически господствующего класса.

В условиях «пещерного» капитализма государство вмешивается и в публичную, и в частную жизнь людей. Выполняя волю экономически господствующего класса, государство вмешивается в дела церкви, подавляет ремесленные и торговые гильдии, ликвидирует рабочие ассоциации, осуществляет жесткий контроль над университетами, формирует особую буржуазную культуру как слагаемое политической и правовой культуры, этической и эстетической и т. д. Оно создает элитарную культуру, которая реализует концепцию корпоративной демократии избранных, и оно обеспечивает индустрию массовой культуры.

Под влиянием Французской революции и «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо юристы и философы в Германии идеализируют народ. С точки зрения представителей немецкой классической философии И. Фихте, Г. Гегеля, народ выступает носителем целостного мировоззрения. Он является воплощенным субъективным духом, действующим во имя своих собственных целей. Народ в ипостаси субъективного духа идентифицируется с обществом, государством и личностью правителя. На уровне теории это впечатляет, а на уровне практики порождает проблему «маленького человека», который растворился и потерялся в народе.

В соответствии с гегелевской триадой: «тезис – антитезис – синтез», тезис есть внешняя форма реализации права через политику. В этой ипостаси право регулирует сферу производства и торговли, контролирует развитие гражданского (буржуазного) общества. Антитезис – это внутренняя реализация права через нравственность. В этой ипостаси право устанавливает систему правил, регулирующих поведение людей. Различие между внешним законом и требованиями совести на индивидуальном уровне, постоянная напряженность этого различия требуют синтеза в форме внешнего и внутреннего требования. В качестве синтеза «тезиса и антитезиса» выступает деятельность государства как носителя согласованной воли нации, носителя народного духа. Гегелевская концепция вписала свою версию в решение проблемы общего и единичного, публичного и частного. Она предложила заменить модель «король-государство» моделью «государство-общество», рассматривая возможность их тождества на определенном этапе сосуществования, когда гражданское общество (по Гегелю буржуазное) в своем развитии становится основанием истинного государства, возникающего в результате синтеза права и нравственности.

Но уже младогегельянец К. Маркс отмечает, что в условиях тройной фетишизации товара, денег и капитала, воспроизводимых капиталистическим способом производства, реальностью становится персонификация человека, превращение его в общественную функцию. Отчуждение природы от общества, а человека от природы и общества исключает возможность осуществления гегелевской концепции «истинного государства». Место истинного государства занимает государственная машина, обеспечивающая развитие общества в интересах экономически господствующего класса.

Экономическое господство закрепляется политической властью и соответствующим уровнем политических отношений, благодаря чему в правовом поле авторитет власти обретает легитимность. Но при любом раскладе общество сохраняет перспективу стать выше классового противоречия и обрести статус гражданского общества, где все соблюдают правила общежития без каких-либо принуждений, руководствуясь побуждением жить в человеческом обществе и быть общественным человеком, где политика заявляет о себе как искусство управлять, обеспечивать регламент жизни общества. Возможность гражданского общества при определенных условиях политическими средствами превращается в действительность.

Социокультурные основания гражданского общества представлены «многоцветьем» сообщества людей, их обычаями и традициями, производством и потреблением, частной жизнью, различиями пола, этноса и т. д.

Все это «многоцветье» можно ранжировать, рассмотрев бытие человека в мире вещей, в мире идей и в мире людей. Такое разделение исключает механическую связь человека в системе «природа – общество – человек», а главное – дает возможность преодолеть ряд бесконечного перечисления, выделив основные и второстепенные стороны бытия человека.

Бытие человека в «мире вещей» определяется сложившимся способом производства и тем местом, которое занимает в нем конкретный индивид в зависимости от его отношения к средствам производства, участия в организации производства, обмена и распределения.

Что касается бытия человека в «мире идей», то оно определяется на стыке общего и единичного, общественного и индивидуального и в этом случае правомерно выделять бытие политическое и правовое, этическое и эстетическое, религиозное и философское. То бытие, которое формирует духовный мир человека, духовную жизнь общества в целом.

И, наконец, следует выделять бытие человека в «мире других людей», где идеи находят свое овеществление (осуществление) в политических и правовых, этических и эстетических, религиозных и философских общественных отношениях, содержание которых определяется конкретным соотношением публичной и частной жизни.

Признание факта протекания различных процессов в различных сферах жизни общества и человека в диапазоне от «бытия в мире вещей» до «бытия в мире людей», дает основание утверждать, что в современном обществе проявляет свое действие закон социальной имитации. Согласно этому закону образ жизни и стиль поведения социальных групп, реализующих инновационные устремления, адаптируется другими социальными группами, а в конечном итоге всей социальной структурой общества. На практике это выглядит довольно противоречиво. Интеллектуальное меньшинство наиболее остро реагирует на противоречие между сущим и должным, рождает проекты неопределенного будущего и готовность расстаться с прошлым. Неопределенность будущего несет на себе печать иллюзий и заблуждений, о чем свидетельствует весь исторический опыт человека. К этому следует добавить естественную тягу сохранить то, что привычно, что располагает к психологическому комфорту, даже в случае понимания того, что привычное уже устарело и требует замены. Консерватизм мышления представителей основных социальных групп является тормозом реализации инновационных проектов, но одновременно он является и тем естественным ситом, которое позволяет отсеять рациональные формы бытия от заблуждений и утопий. Так непросто складываются формы бытия человека «в мире вещей», «в мире идей» и «в мире других людей», оформляется социальная ткань бытия гражданского общества и его взаимосвязь и взаимодействие с государством.

В действии закона социальной имитации находят свои выражения объективные процессы коллективного поведения людей и межгрупповых взаимосвязей в рамках культуры труда, культуры досуга и культуры социально значимой деятельности. Если труд воспринимается как культура внешней необходимости, а досуг как культура возможностей, то культура социально значимой деятельности есть состояние жизнедеятельности человека в повседневном окружении и в пределах своей ойкумены.

Человек вынужден перемещаться из сферы труда в сферу досуга, не отрываясь от социального окружения и повседневного быта. Своей жизнедеятельностью он реализует принципы солидарности и справедливости как основные принципы гражданского общества.

Что касается правовых основ гражданского общества, то они заявляют о себе через жизнедеятельность больших и малых социальных образований, демонстрирующих уникальные формы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности.

Несмотря на привлекательность малых социальных образований, реализующих солидарное «мы», они могут существовать только в социальном пространстве и историческом времени конкретного общества, реализуя соотношение общего и единичного, целого и части. Они нуждаются в организационном оформлении как на уровне социальной структуры общества, так и на уровне его политической организации. Вне контекста целого, как часть, они теряют

свою значимость. Инструментом организационного оформления социальной системы, где каждый ее элемент занимает свое место в структуре, в условиях цивилизации является институт государства. Государство обеспечивает функционирование системы, выступает гарантом ее безопасности.

В связи с тем что основная жизнедеятельность людей протекает в малых социальных образованиях, роль государства ими не только недооценивается, но и воспринимается подчас в извращенном виде. Законы и нормы государства воспринимаются скорее как насилие, чем необходимость. В лучшем случае индивид относится к ним безразлично, но чаще всего игнорирует эти нормы, воспринимая их как внешнее насилие над его суверенитетом.

Таким образом, в условиях современного общества актуальной остается проблема совмещения личного, общественного и корпоративного интереса. Решение этой проблемы выходит за пределы возможностей как государства, так и гражданского общества. Оно под силу только «тандему», который представлен и государством, и гражданским обществом. Главное – определить полномочия одного и другого института в деле нормирования и обеспечения свободы человека (индивида). Социальные образования, обладающие возможностями воздействовать на своих членов, наделяются статусом «полуавтономных социальных сфер»²⁴. Эти «сферы» являются структурными подразделениями социального порядка. Регулируя жизнедеятельность своих членов и их взаимоотношения, они сопротивляются внешней экспансии. В пределах «сферы» ее члены решают свои проблемы. Если возникает необходимость обратиться к внешним нормативам и решить возникшую проблему, то такое обращение осуществляется под контролем конкретной «полуавтономной социальной сферы». Что касается государства, то оно берет на себя самые общие и жизненно важные обязательства и не вникает в частную жизнь своих подданных.

Так складывается принципиально новая конструкция социальной системы, в которой отношения между индивидом и государством опосредованы представительством социальных образований, которые берут на себя обязательства представлять своих членов в большом обществе и государстве. Что касается государства, то оно как главная правовая инстанция ведет переговоры этих «сфер» (сообществ), представляя им максимум полномочий по решению внутренних проблем. Примером таких «сфер» могут быть местное самоуправление и жизнедеятельность этнокультурных обществ.

Заявленная конструкция имеет перспективу, ибо позволяет снять противостояние публичной и частной жизни, общественных и индивидуальных интересов. Но в ней имеется опасность превращения отраслей права в некое подобие конвенциональных норм, что в принципе противоречит сущности права, ибо право в таких условиях деморализуется, а государство теряет свой суверенитет.²⁵

В таких опасениях есть определенное основание в случае, когда нарушается равновесие полномочий гражданского общества и государства. Тем более что объективно удельный вес гражданского общества в выработке курса развития общества на порядок выше, чем государства, на долю которого, как правило, остается лишь осуществление этого курса. Что касается права, то оно имеет свою онтологическую укорененность в миропорядке. «Kosmos» обуславливает «nomos», а посему право выполняло, выполняет и будет выполнять функцию обеспечения целостности социального пространства через нормирование поведения (жизнедеятельности) людей, способ бытия которых проявляется в пределах этого пространства. В этом качестве право опосредует взаимоотношения людей в обществе и обуславливает взаимосвязь общества и государства. Эта взаимосвязь в своем развитии может выйти на уровень взаимодействия

---

²⁴ См: Гриффите Д. С. Правовой плюрализм и социальное действие права // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 4 // Государство и право. 1995. № 3. С. 9–14.

²⁵ См: Мюнх Р. Социологический анализ новой диалектики и динамики развития глобального информационного общества // Социология на пороге XXI века. 3-е изд. М., 1999. С. 51–60.

гражданского общества и правового государства, обеспечивая и закрепляя между ними диалог и сотрудничество.

Заявленные экономические, политические, социокультурные и правовые основания свидетельствуют, что претензия идеи гражданского общества на идеологию XXI в. в условиях трансформационных процессов постсоветского пространства вполне правомерна. Что касается ее политической ангажированности, то она зависит уже не от идеи, а от тех, кто пытается ее эксплуатировать в своих целях.

Идея гражданского общества может быть базовым основанием, условием формирования гражданского согласия как предпосылки будущего созидательного процесса по формированию гражданского общества XXI в.

Принципиальное отличие идеи гражданского общества XXI в. от идеи гражданского общества века XVIII заключается в том, что она ориентирована на процесс интеграции общества в условиях глобализации мира и его проблем, а не на дифференциацию общества, его расслоение по отношению к средствам производства. Через механизм социализации: проекцию, идентификацию и символизацию люди разного пола и возраста, различной национальной и конфессиональной принадлежности обретут идеологическое единство, возвращающее их к истокам ойкумены, где человека не выбирают, а принимают. И это возвращение возможно только под знаком идеи человеческого общества и общественного человека, осуществление которой возможно только в условиях гражданского общества. Но гражданское общество – не панацея от всех социальных бед. Оно тоже имеет свои проблемы. Как и любое другое средство в отношениях «человек – мир», гражданское общество автономно и располагает своей логикой развития, демонстрируя возможность трансформации из системы обеспечения межличностных отношений в систему самообеспечения.

От реанимации идеи гражданского общества в постсоветском пространстве ждали чуда – молниеносного переустройства. Надеялись, что по полной программе заработает система координат развития общества. Вертикаль власти заявит о себе через политику как искусство управления. Реальностью станет подлинно уважительное отношение граждан к власти, которая сделает жизнь общества человеческой. Горизонталь коммуникативных отношений заявит о себе через осуществление принципов справедливости, солидарности и согласия. Индивид проявит свою подлинную общественную сущность. Но одной декларацией, как и благими пожеланиями, здесь не обойтись. Нужен диалог власти и общества, их стремление к компромиссу и сотрудничеству. И этот диалог возможен только под знаком гражданского согласия, которое предполагает гражданскую идентичность на базе гражданских ценностей: жизни, собственности, свободы, формального равенства и справедливости. **Осуществление гражданского согласия предполагает свои принципы, формы и пути их осуществления.**

Среди принципов гражданского согласия следует отметить: взаимное доверие, компромисс и толерантность.

Среди форм гражданского согласия можно отметить деятельность этнокультурных обществ, функционирование местного самоуправления, деятельность массовых общественных организаций, демонстрирующих способность преодолевать «массовую патологию идентичности». Среди этих форм достижения гражданского согласия особое значение имеют органы местного самоуправления.

Как уже было отмечено, общество, как самоорганизующаяся система, структурно организовано. Оно имеет свою систему координат. Это вертикаль власти и горизонталь коммуникативных отношений. Вертикаль власти обеспечивается государством, а горизонталь коммуникативных отношений – явленным или не явленным гражданским обществом. Особое место в этой системе занимает местное самоуправление. Оно не только решает проблемы коммуникативных отношений, как это имеет место в системе деятельности этнокультурных и других

социальных образований, но и берет на себя восполнение пробелов вертикали власти, что особенно важно в условиях трансформации современного общества. Но сам процесс становления местного самоуправления протекает с осложнениями.

Во-первых, не отработана правовая нормативная база явления, которого еще вчера не было, а сегодня оно заявляет о себе как юридическое лицо с претензией на регламент публичной жизни.

Во-вторых, в обществе есть люди, которые не только понимают, что власть, даже на местном уровне, означает возможность контролировать ресурсы, включая и человеческий фактор, но и хотели бы через власть на местах стать хозяевами этих ресурсов, решая свои личные интересы.

В-третьих, существует проблема передела полномочий, когда вертикаль власти должна частично поделиться властью, а самоуправление заявить о своей способности разумно осуществлять делегированную власть.

В-четвертых, существует иллюзия, что местное самоуправление есть не что иное, как вчерашняя советская власть на местах.

Становление и развитие местного самоуправления свидетельствует об эволюции общества, граждане которого заявляют о готовности включиться в систему координат общественного развития, взяв всю меру ответственности за ее достойное осуществление. Для индивида возникает возможность заявить о себе не только в качестве подданного, но и в статусе субъекта социальной активности. Формируется поле гражданского общества.

Местное самоуправление демонстрирует эффективность там, где дает сбой формализованная и консервативная власть центра. Оно культивирует уверенность, что самоуправляющаяся община является важнейшим институтом демократии, полигоном апробации гражданских ценностей²⁶.

Гражданские ценности солидарности и справедливости, а также принципы согласия и толерантности выступают ориентиром жизнедеятельности людей, их социальными регуляторами, обеспечивающими гражданские идентичности в «кругу своих»²⁷.

Местное самоуправление имеет свою историю. Его истоки коренятся в общинной форме бытия традиционного общества, сильного властью авторитета, сложившегося внутри общины, а не привнесенного извне. И в этом смысле местное самоуправление располагает определенным иммунитетом против любой эскалации, является базой формирования солидарности и осуществления справедливости. Правда, последнее составляет не только достоинство местного самоуправления, но и его недостаток, ибо формирование солидарности «своих» протекает через установление демаркационной линии с другими («чужими»).

---

²⁶ Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Гражданское общество: Истоки и современность. СПб., 2002.

²⁷ Ценности гражданского общества и личность. М., 2001.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.